

Табачков и Зудина принесли последнюю жертву

II АРТУР СОЛОМОНОВ

Во МХАТе имени Чехова Юрий Еремин поставил спектакль «Последняя жертва» по пьесе А. Островского с Олегом Табаковым и Мариной Зудиной в главных ролях. Эта премьера — удача театра.

«Последняя жертва» — спектакль солидный, он, так сказать, дышит ровно, с долгими паузами. Юрий Еремин, который месяц назад выпустил провальную премьеру в РАМТе, словно сказав актерам «пойдите туда, не знаю куда» (и они, конечно, пошли), здесь сработал качественно и внятно. И все знали, куда идут и чего ищут, — даже в сценах массовых.

Как почти всегда у Островского, главным побудительным мотивом, беззаветной (и часто безответной) страстью героев являются деньги. Есть и пережитки прошлого, которые о любви лепечут — в частности, героиня Марины Зудиной Юлия Тугина. А Прибытков (Олег Табаков) — делец крупный, влюбленный в Тугину и очень хорошо знающий, какой капитал требуется для приобретения счастья. Он не ошибается. Еремин создал жесткую структуру — по ритму и внешнему облику, и чувствуется в спектакле не то чтобы обреченность всех героев, а неизбежный путь, который им придется пройти, и путь невеселый. Успешных не будет, счастливых не будет — кому-то не удастся себя продать, кто-то продаст себя дешево, чем рассчитывал, а если и удастся выгодно вложить свое тело, то и тут радости будет мало. А тот, кто купит, уже и иллюзии всякие потерял и просто властно и вальяжно поедает то, что вызывает аппетит.

Единственное, что в спектакле МХАТа напоминает о пространствах, где не так душно, — музыка. На сцене то ресторан, то дом Юлии Павловны, то кабинет Прибыткова. Режиссер и актеры мудрствовать не стали. Например, когда героине Зудиной сообщают об измене жениха, звучит музыка печальная и после паузы слышен голос Зудиной: «Как же это?», все это действует на зал безотказно. Бог с ними, с новациями, в конце концов, честная актерская игра, несамовлюбленная режиссура — уже почти событие. И когда открывается дверь дома Юлии Павловны, слышно — за стенами вьюга, и когда приходят с улицы, то стряхивают с одежды снег. Над сценой справа —

фотографии заснеженной старой Москвы, они меняются порой. Эти фотографии, иллюминирующие колеса над сценой и абстрактная картина, которая висит в кабинете Прибыткова, — единственные приметы театра, скажем грубо, условного. Остальное — честно, внятно и искренно. Без затей.

Олег Табаков играет роль хозяина жизни очень убедительно. Иначе и быть не могло. Влечение Прибыткова к Тугиной, однако, вышибает его порой из седла: когда она подходит к нему, он инстинктивно ее обнимает, она отскочила — и его рука ловит ее шарф. Хотя, конечно, сантиментам в жизни Прибыткова места уделено немного. Только по расписанию, только из вежливости. И поэтому мгновения, когда он вдруг повинуется порыву, впечатляют.

Траговка Олега Табакова иная, чем, скажем, у Москвина, который на сцене МХАТа сыграл Прибыткова. Это был благородный стареющий джентльмен, едва ли не спаситель Тугиной. В спектакле Еремина, где идет изящное и учтивое взаимопожирание, Прибытков отлично «рифмуется» с жизнью, которая кипит вокруг: никакого диссонанса, он просто исполняет ведущую партию. Вокруг: Лука Дергачев (Роман Кириллов) — крохотный и жалкий, кажется, его место — у кого-то за пазухой, но уж больно он непригляден, никто его за пазуху не примет. Салай Салтаных (Игорь Золотовицкий) — сошка поменьше Прибыткова, не хозяин жизни, а скорее хозяйчик, но тоже не промах. Вадим Дульчин (Сергей Колесников) — красавец, сердцеед, мечущийся в поисках богатой жены. Ирина Лавровна (Дарья Юрская), влюбленная в Дульчина искренно и страстно, но охладевшая в секунду, узнав, что красавец небогат... И еще какие-то пустоголовые фаты, лгущие тетушки, влюбленные вдовы — каждый, хоть и недолго стоит на сцене, вносит свою краску в создание этого мирка.

В этом спектакле ощутим особый рок — такого домашнего, кухонного свойства, но от этого не менее властный: женишься

на богатом (богатой), а коли не удастся, локти кусать будешь, всхлипывая на людях о благородстве своем. Или заворачивается соевый, подлецом быть как-то тошно станет, а минут через десять — гитару в руки, сигарету в зубы, и бунт закончен.

Мейерхольд, который поставил Островского в двадцатые годы, освободил сцену от бытовых подробностей еще и потому, что хотел избежать оправдания героев Островского вековым укладом, который выражался бы в прилаженности вещей друг к другу, их спаянности — мол, не вчера началось, не завтра закончится, ты только живая фигурка среди этих шкафов да стульев. То есть он хотел помимо прочих задач уничтожить аналогию «рок-быт» (или «рок-уклад») и сделать акцент на воле человека. По последним спектаклям по пьесам Островского, в том числе и по спектаклю МХАТа, и не скажешь, что волеизъявление возможно.

Финалы пьес Островского очень часто ложносчастливые. Героев вдруг осыпает денежный дождь; кто-то добивается цели — невысокой, но своей; или же вдруг в главном герое вновь заборлится совесть, и он обещает возродиться к честной жизни. Но эти финалы по существу столь же печальны, как и, скажем, развязки «Грозы» или «Бесприданницы». Случайно выпавший денежный дождь мог бы пролиться совсем над другими людьми, а значит, где-то эти осадки не выпали, и о счастье там говорить излишне. Такого рода случайность не отменяет хода вещей, расстановки сил, а только подчеркивает ее. Поэтому так часто у Островского чем финал радостней, тем печальней. Конец спектакля Еремина лишен даже этой двойственности. Прибытков и Тугина уходят со сцены, и на экране мы видим их лица крупным планом. Потом — только лицо Тугиной. Она узнала правду, но, как говорится, «правда — хорошо, а счастье — лучше». Последняя жертва Тугиной в том, что она с этой правдой жизни смиряется. А ее бывший жених вопит, что продолжит поиски богатой невесты. Найдет.

Олег Табаков сыграл купца, покупающего бедную вдову (Марину Зудину) Фотограф: Игорь Захаркин/Газета